

Тихомиров Б. А. Состав и канон Священного Писания Ветхого Завета в основных христианских конфессиях. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2022. 200 с.

Не подобает в церкви глаголати псалмы не священные, или книги не определенныя правилом, но токмо в правилах означенныя книги Ветхаго и Новаго Завета.

(Правило 59 Лаодикийского Собора)

[...] есть неканонические только между книгами ветхозаветными, и именно следующие: 1) книга Товита, 2) Иудифь, 3) Премудрости Соломоновой, 4) Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 5) вторая и третья книги Ездры, 6) все три книги Маккавейские.

(Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Введение в православное богословие. Тулаев, 1999. С. 336)

Указатель ветхозаветных чтений преподобному, преподобным, преподобномученику, преподобномученикам, исповеднику, Христа ради юродивому, преподобной жене.

1-я паремия: Премудр. Соломона, 3, 1–9.

2-я паремия: Премудр. Соломона, 5, 15–24; 6, 1–3.

3-я паремия: Премудр. Соломона, 4, 7–15.

(Библия. Издание Московской Патриархии. М., 1988. С. 998)

Вынесенные в эпиграф цитаты выражают проблему, которую хочет разрешить рецензируемая книга. *Lex orandi* не соответствует *Lex credendi*. Старинный, еще византийского времени, лекционный не соответствует сложившемуся в Русской Церкви XVIII–XIX вв. учению о канонических и неканонических книгах Ветхого Завета. Б. А. Тихомиров с самого начала предупреждает, что его книга не вписывается в стандарт учебника, пишущегося «с позиции исчерпывающего ответа на все вопросы». «Было бы неправильно обходить [...] острые углы,

делая вид, что все решения давно найдены и исчерпывающие ответы даны» (с. 8).

Книги иудейского канона были завершены писанием достаточно поздно. Главы 7–12 Книги Даниила были написаны в 160-х гг. до Р. Х. (с. 26). В Кумранское собрание книг (до 60-х гг. по Р. Х.) «фактически в статусе Писаний входили также такие книги, как Товит, Послание Иеремии, 151 псалом, Премудрость Иисуса сына Сирахова» (с. 31). Иудейский мир состоял из партий с различными религиозными воззрениями, в том числе и по вопросу о каноне Священного Писания. Весь II в. по Р. Х. продолжались споры о включении в канон Песни Песней, Екклезиаста, Есфири, Притчей и Сираха (с. 36). Однако в иудействе Средних веков и Нового времени завершителем формирования иудейского канона считали Ездру (V в. до Р. Х.). С XVI в. эта версия перешла в западно-европейскую библеистику и «в XIX в. она была взята за основу русским академическим богословием» (с. 47).

Церковь Христова в течение десятилетий не имела Нового Завета. Но с первого дня ее истории она имела Писание Ветхозаветное, которое есть также ее Писание. Автор остро ставит вопрос: «Свободна ли Церковь при комплектации Ветхого Завета в своем выборе священных книг из обихода обширной иудейской библиотеки времен зарождения Церкви? Или ей надлежит строго подчиниться авторитету раввинистического иудаизма, соглашаясь с тем иудейским канонам, который был установлен, когда пути христианства и иудаизма окончательно разошлись?» (с. 52). Ответ автора недвусмыслен: «...непризнание за Церковью права руководствоваться собственным выбором при установлении ветхозаветного канона означало бы одновременно и отказ ей в праве письменно восполнить иудейское Священное Писание новозаветной частью. А это уже равносильно отречению от христианской веры [...] только формирование христианской Библии дает возможность закрыть библейский канон» (с. 52).

Исторически, однако, в Церкви сложились «две альтернативные тенденции»: 1) право Церкви самостоятельно решать вопрос о составе корпуса Ветхого Завета; 2) ориентация на канон ВЗ, сложившийся в иудаизме (там же, с. 62).

Важнейшую роль в установлении состава ВЗ в Церкви имел выбор Септуагинты как текста ВЗ (с. 53). До II в. по Р. Х. иудейский канон Св. Писания еще не сложился. Но с возникновением христианства стало резко меняться отношение к Септуагинте иудеев, вплоть до полного запрета ею пользоваться. В иудейский канон вошли исключительно еврейские книги, и то не все: написанная по-еврейски Премудрость бен-Сирь в него не вошла. Проявилось различие между иудаизмом,

ограничившим канон одними еврейскими книгами, и христианством, ориентированным на Септуагинту, где наряду с переводами были и книги, написанные по-гречески. Автор отмечает, что «первые три века христианской истории не стали решающими в вопросе установления канона ВЗ» (с. 64). Называются имена христианских авторов и названия анонимных памятников, где цитируются как авторитетные книги, не вошедшие в иудейский канон. Хотелось бы, чтобы это было сделано более подробно. Когда доходит до упоминания еп. Мелитона Сардского (названного святым, хотя наши святцы его не упоминают, см. Патриарший календарь на 2023 г., с. 396), Б. А. Тихомиров следует изложенному уже подходу. Мелитон (II в.) — первый христианский писатель, провозглашающий принцип т. н. узкого канона, перечисляя исключительно книги, имеющиеся на еврейском языке (вопрос вызывает только «Соломоновы Притчи или же Премудрость»). Мелитон наивно «обнажает прием», очень точно указывая на источник своих сведений: «на Востоке я возшел до того самого места, где было проповедано и свершилось, и в точности узнал книги Ветхого Завета...» (*Евсевий*. Церковная История. 4, 26, 14). Иными словами, Мелитон принял мнение о каноне у палестинских иудеев. Б. А. Тихомиров говорит об этом: «Свт. Мелитон пошел по тому же пути, что и раввинистический иудаизм, в свое время жестко ограничивший состав священных книг и таким образом установивший канон Писания. Действия святителя нужно рассматривать [...] как радикальное решение этого вопроса» (с. 67). Получается, что Мелитон отрицает «право Церкви самостоятельно решать вопрос о составе корпуса Ветхого Завета», которое, похоже, утверждает г. Тихомиров (с. 52, 62).

Эта достаточная определенность оценки теряется, когда изложение доходит до IV в. В это время на Востоке получила распространение теория «22 книг», согласно которой канон ВЗ состоит из числа книг, равного числу букв еврейского алфавита. Для достижения этого числа реальное их число, которое больше, искусственно сокращается: некоторые пары книг объединяются в одну: Судьи и Руфь, 1-я и 2-я Царств и т. д. Автор не дает этой теории принципиальной оценки. Если же мы осмелимся это сделать, придется сказать, что «22 книги» — удобный школьный мнемонический прием, и не больше. Принять это как решение проблемы канона можно только если нам докажут, что мистика чисел и букв — общеобязательная часть предания, и что Церковь Христова, родившаяся в I в., обязана признать своим иудейский канон, сложившийся во II в. Общий обзор высказываний о каноне на Востоке и в IV в., и в последующие века до св. Дамаскина включительно, показывает, что канон был в процессе формирования:

из сохранившихся перечней Книг канона Писания не найти двух, которые бы полностью совпали, и что особенно поражает, разногласия относятся не только к Ветхому, но и к Новому Завету, и даже к этому последнему в особенности: например, св. Иоанн Дамаскин включает в канон 85 «Правил св. Апостолов», а сами эти правила (85-е) числят в каноне не только «Климента послания два», но даже «Постановления вам епископам мною Климентом изреченные в осми книгах». Правда, огромный корпус Постановлений Апостольских в порядке *disciplinae arcanae* «не подобает обнародовати пред всеми».

Б. А. Тихомиров торжественно объявляет разнородные восточные документы IV в. и более позднего времени «постановлениями и решениями по канону ВЗ» (с. 71). Часто они даже формально таковыми не являются. Высказывание свт. Григория Богослова затеряно в большом сборнике его стихов; единственное стихотворение свт. Амфилохия Иконийского, назидательного содержания и на одну четверть посвященное канону Писания, адресовано 10-летнему племяннику. Свт. Кирилл Иерусалимский, свт. Епифаний Кипрский, свт. Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский, прп. Иоанн Дамаскин не писали специальных сочинений о каноне. Все их «постановления и решения» автор резюмирует однозначно: «они были ориентированы на иудейский канон в качестве образца ВЗ» (с. 71).

Да будет позволено рецензенту сделать собственный обзор всех этих источников, расставляя свои акценты. Лаодикийский (во Фригии) Собор маргинален. В нем участвовали 22 епископа, которые все принадлежали к крайней арианской группировке аномеев¹. Мардиросян датирует Лаодикийский Собор кратким царствованием Иовиана. Непосредственный преемник Юлиана Отступника, этот император активно поддерживал христианство против язычества и иудейства, но, в отличие от своего языческого предшественника, занял явно нейтральную позицию в отношении споров различных ветвей христианства. Та часть крайних ариан, которая провела этот Собор, будучи «меньшинством в меньшинстве», хотела внушить представление о своей значимости. Церковь уклонялась от официальных соборных решений по вопросу канона. Был поставлен «тезис» — Септуагинта, преобладавшая первые три века христианства, был противопоставлен ему «антитезис» — «теория 22 книг», к которой многие склонились, но ни один православный Собор на Востоке не решился реципировать эту теорию, т. к. чувствовалось, что время окончательных решений не пришло, и формирование канона продолжается. Это показывает

¹ *Mardirossian A. La collection canonique d'Antioche. Droit et hérésie à travers le premier recueil de législation ecclésiastique (IV siècle). P., 2010. P. 117–134.*

и само Правило 60 Лаодикийского Собора. В нем не только перечислены книги, названные в «теории 22 книг», но и список их аккуратно разбит на 22 позиции. Но при этом под числом 20 значится Иеремия в сопровождении не только Плача, но также Варуха и Послания. Б. А. Тихомиров справедливо замечает, что и в других приводимых им греческих списках канона при Иеремии скорее всего подразумеваются и Варух, и Послание, даже и не будучи названы. Наконец, Лаодикийский Собор в каноне НЗ не называет Откровения.

Вслед за единственным восточным Собором, высказавшимся о каноне, нужно назвать взятые из Апостольских Постановлений правила свв. Апостолов. Несмотря на явный и ярко выраженный псевдэпиграфический характер этого памятника и несмотря даже на некоторые нюансы гетеродоксии, и Постановления в целом, и Правила в особенности содержат массу добротного церковного материала.

Что касается канона, в общем и целом составители Правил Апостольских поддались «теории 22 книг», правда, никак ее не помянув и не следуя, подобно Лаодикийскому Собору, искусственной группировке 39 книг в 22. Однако 85 правило Апостольское делает из названной теории важные исключения. Первое исключение легко заметит русский читатель: «Маккавейских три». В греческом подлиннике не «три», а «четыре», что соответствует Септуагинте, но поскольку в славянской и русской Библии, как и в Вульгате, три Маккавейских, и в русском переводе оказалось «три», и даже в двуязычном издании был подредактирован и сам подлинник: «τρία»². Более важное различие русского перевода с греческим текстом: «Соломоновых три: Притчи, Екклесиаст, Песнь песней». По-гречески же гораздо короче: «Соломоновых книг пять». Так почти во всех рукописях и в критическом издании Марселя Метцгера³. Число пять не вызывает недоумения: здесь разумеются, наряду с тремя книгами «узкого канона», Премудрость и Псалмы Соломона. В целом канон 85 Апостольского правила показывает явное влияние «теории 22 книг», которому, однако, противостоит не тяготение к абстрактному «широкому канону», как считает г. Тихомиров, но уже повлиявшие на церковную жизнь, запечатлевшиеся в церковном предании отдельные книги этого «широкого канона». В Антиохии, на родине Постановлений Апостольских, усердно почитали мучеников Маккавеев, и это почитание распространилось повсюду. Об этом говорит и наследие корифеев гомилетики — свт. Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Этим традиционным почитанием можно объяснить включение в канон обосновывающих

² Правила святых Апостол и святых отец с толкованиями. М., 2000. С. 170.

³ Les Constitutions Apostoliques. T. III. (Sources Chrétiennes; 336). P., 1987. P. 308.

его библейских книг. То же и с книгами Соломоновыми. Зная, какое большое место занимает Премудрость Соломонова в современном паримийнике Православной Церкви, легко предположить нечто подобное и в древней Церкви. Что же до Иисуса сына Сирахова, естественно желание придать книгам, не попавшим в «узкий канон», какой-то особый статус, сближающий их с «каноническими» и во всяком случае исключающий возможность вовсе изъять их из корпуса Писания, как это произошло в XIX в. у протестантов.

Переходим к канону Великого Афанасия. Прежде всего обратим внимание на термин *kanonizacija*. Доверяя русскому переводу, Автор понимает его как «принятые в канон». Но греческое причастие имеет категорию времени. Свт. Афанасий, ставя здесь настоящее время, выражает этим незавершенность процесса «канонизации»: «канонизируемые» отличны от «канонизованных». Не выражая сомнения в каноничности канонизируемых, он оставляет возможность пополнения их числа другими, имеющими спорный статус. Все книги, не вошедшие в его канон, св. Афанасий сближает с «каноническими», прилагая к ним именование «читаемых» (мы помним, что согласно Лаодикийскому Собору, читаемыми могут быть только книги канонические). Маккавейские книги св. Афанасием не упомянуты, но они отсутствуют в Ватиканском кодексе, коим или же его протографом, как полагают, пользовался Святитель. С этим кодексом его список сближается также тем, что в число «не канонизируемых, но читаемых книг» НЗ он поместил Учение Апостолов и Пастыря Ермы.

«Канон» свт. Григория Богослова вполне можно назвать минималистским: он называет только книги из канона «22 книг» ВЗ (без спорной Эсфири) и НЗ без Апокалипсиса. Все, кроме этого жестко-узкого канона, не рекомендуется. Нет ничего среднего между книгами рекомендованными и запретными.

Свт. Амфилохий Иконийский, друг и родственник великих Каппадокийцев, в противоположность свт. Григорию, показывает канон в его проблематичности. «Не всякая книга, стяжавшая чтимое имя Писания, безопасна». Есть книги «лжеименные», т. е. псевдэпиграфы. Есть «средние и, так сказать, соседствующие словесам истины». А есть и «подложные и весьма опасные». Без упоминания теории 22 книг свт. Амфилохий называет все книги «узкого канона» ВЗ кроме одной, о которой говорит: «К сим прилагают некоторые Есфирь». Канон НЗ более проблематичен. «Некоторые называют послание к Евреям неподлинным, но это говорят они не добро, ибо подлинна благодать». Много вопросов касательно Соборных посланий. Некоторые принимают только три из них: Иакова, 1-е Петра и 1-е Иоанна. «Откровение

Иоанна некоторые приемлют, но большинство называет подложным. Сей да будет неложнейший канон богодухновенных Писаний».

Обратим внимание также на те древние свидетельства о каноне ВЗ, которые приведены в авторитетном «Пространном христианском катихизисе Православной Кафолической Восточной Церкви». Катихизис не упоминает Лаодикийский Собор и из всех указаний о каноне в Книге Правил приводит только свт. Афанасия. Кроме него, Катихизис упоминает свт. Кирилла Иерусалимского и прп. Иоанна Дамаскина. Все три свидетельства, приводимые Катихизисом, характеризует следование принципу 22 книг.

Свт. Кирилл — автор Огласительных бесед. Отношение его к канону объясняется целью его сочинения — дать оглашенным самое главное. Признавая перевод LXX богодухновенным⁴, именно этот текст он рекомендует к чтению⁵. Корпус Иеремии у него включает Варуха и Послание. НЗ — без Апокалипсиса. О 22 книгах говорится так, будто «у Евреев»⁶ их именно столько (педагогическое упрощение?). Свт. Кирилл энергично призывает не читать никаких книг, кроме «божественных», «богодухновенных», тех, что читаются в церкви. Он не хочет проводить никакой дифференциации между книгами «ложнонадписанными и вредными»⁷ и «спорными» (ἀμφιβαλλόμενα⁸). Различие между ними очень трудно, особенно для простых, и поэтому надо читать только книги общепризнанные, отодвигая прочие «на второй план». Здесь имеет место явная недосказанность, мотивированная пастырскими соображениями.

Прп. Иоанн Дамаскин был когда-то на Западе объявлен завершителем патристики у греков. Его свидетельство в Катихизисе должно было восприниматься как итоговое, завершающее века колебаний относительно канона Св. Писания. Однако глава 90 «Точного изложения православной веры», «О Писании» не выглядит как подведение итогов. Из ряда святоотеческих высказываний о Писании прп. Иоанн цитирует только два: свт. Кирилла Иерусалимского и свт. Епифания Кипрского. Позиция последнего не совсем ясна. Примыкая к теории «22 букв», он говорит о книгах, не вошедших в этот канон — Премудрости Соломоновой и Премудрости Иисуса сына Сирахова, что они «не вносятся в число реченных [книг], почему и не были положены в Аароновом ковчеге Завета», хотя они «полезны и назидательны» («О

⁴ PG 33, 497C.

⁵ Ibid., 496B.

⁶ Ibid., 500A.

⁷ Ibid., 500B.

⁸ Ibid., 496A.

мерах и весах»⁹). Текст этот напоминает определение «апокрифов» в Лютеровской Библии: «Не приравняются к Св. Писанию, но полезны и хороши для чтения». Но свт. Епифаний мог относиться к девтероканонике и не по-лютеровски. «Положение в ковчеге Завета» может означать всего лишь хронологический рубеж: до сожжения Храма или же, по версии 2 Мак. 2, 4–5, до сокрытия ковчега прор. Иеремией, после коего тоже могли создаваться книги богодухновенные. Столь же неопределенно высказывается Дамаскин. Пересказывая свт. Епифания, он называет книги Премудрости «превосходными и прекрасными» («Точное изложение православной веры», 90¹⁰), однако, «не причисляющимися и не лежавшими в ковчеге». То, что и в сравнительно позднее время прп. Иоанна Дамаскина (VIII в.) канон еще не устоялся, хорошо доказывается тем, что он включил в канон Нового Завета Правила апостольские.

Поскольку канон не сформировался окончательно в эпоху Вселенских Соборов, Церковь имела право продолжать обсуждение этой проблемы. О тенденции можно судить по комментарию Иоанна Зонары (XII в.) на 85 Апостольское правило. Зонара отмечает, что «некоторые из иных исчислений дозволяют читать [за богослужением] также Премудрость Соломонову и Иудифь и Товию и Апокалипсис Богослова»¹¹. При этом он не говорит, что некоторые не включают в канон книги Маккавейские, названные в этом Апостольском правиле. Очевидна тенденция подчеркивать положительные мнения о каноничности той или иной книги и не замечать отрицательные. Но это было уже после разделения Церквей.

Задолго до разделения каноническое право Запада и Востока пошло разными путями. Папские декреты не доходили до Востока. Многочисленные Правила свв. отцев восточных игнорировались на Западе. Каноны Вселенских Соборов принимались подавляющим большинством восточных епископов при весьма малом участии западных, и на Западе их некому было защищать. Впрочем, II Вселенский Собор изначально был Собором одного Востока и был признан на Западе с таким опозданием, что его влияние там уже не имело значения. Авторитетные на Востоке 85 Правил свв. Апостол на Западе имели хождение в составе только первых 50. И все же западное учение о каноне Св. Писания было реципировано Востоком в виде правила 33 (по счету нашей Книги Правил) Карфагенского Собора 419 г. Правило

⁹ PG 43, 244C.

¹⁰ Die Schriften des Johannes von Damaskos / Hrsg. v. B. Kotter. (Patristische Texte und Studien; 12). Berlin, 1973. Bd. II. S. 211.

¹¹ *Ῥάλλης, Ποτλής. Σύνταγμα τῶν Θείων καὶ ἱερῶν κανόνων.* Т. II. Σ. 110.

причисляет к каноническим книги Товита, Иудифь, Апокалипсис. Критическое издание Периклес-Пьера Иоанну¹² дает «Соломоновых книг пять», а в латинском тексте также «Маккавейские книги две». Это — единственное правило из большой серии правил, принятых или прежними Соборами, или самим Собором 419 г., о котором был извещен папа Римский Вонифатий (418–422) «для твердости подлежащего правила». У нас видят в этом напоминание об абстрактном принципе соборности, о коей тогда никто и не слышал. На самом деле правило выражает обеспокоенность африканского епископата распространением поздних воззрений блаж. Иеронима Стридонского (ум. 419, как раз в год Собора), который выступал не только в пользу еврейского текста Библии, но и сомневался в каноничности нееврейских книг ВЗ. Включение Карфагенских правил в канонический корпус Восточной Церкви проявило единство Вселенской Церкви, сохранявшееся до времени невзирая на языковые и политические барьеры.

Но было бы неверно видеть в 33 Карфагенском правиле голос всей Западной Церкви. Невзирая на то, что папы придерживались «широкого» канона, многие богословы были с этим не согласны. Лишь на Флорентийском Соборе Католическая Церковь на «вселенском» уровне утвердила канон ВЗ. Упомянув Буллу унии с коптами 4 февраля 1442 г. (с. 88), автор мог бы упомянуть немаловажный повод к этому, противоположный осуждению протестантского урезания канона столетие спустя. А именно, восточные неправославные христиане не знали твердых границ между Св. Писанием и пространном морем апокрифов и псевдэпиграфов.

Справедливо выделяя значение Иерусалимского патриарха Досифея в борьбе против протестантских влияний, в частности, относительно канона Писания, Б. А. Тихомиров допускает некоторые неточности. Иерусалимский Собор 1672 г. был не последним, давшим постановление о каноне Писания (с. 99). Это был чисто поместный Собор без епископов других Церквей. «Представители Русской Церкви» (там же) Исаия, Игнатий и Иосиф присутствовали на Яском Соборе 1642 г. Единственный клирик «из Великой России», подписавшийся под определением Собора 1672 г. в Иерусалиме — Тимофей иеромонах¹³. Более представительным был Константинопольский Собор во главе с Патриархами Константинопольским, Антиохийским и Иерусалимским, обратившийся к «неприсягнувшим» англиканам с посланием, в которое было включено Исповедание патриарха Досифея. Это и был момент

¹² *Discipline générale antique (IV–IX s.)*. T. I, 2. Les canons des Synodes Particuliers. R., 1962. P. 239–240.

¹³ Δοσιθέου Ὁμολογία. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 112–113.

исповедания греческими Церквями того учения о каноне, коего они придерживаются и доселе.

Именно в послании 1723 г. Исповедание патриарха Досифея было принято как авторитетное и в России. Митр. Макарий (Булгаков), перечисляя изложения православной веры, составленные после эпохи Вселенских Соборов, говорит, что «как нарочитое руководство при обстоятельнейшем изложении сего учения, как пробный камень для проверки своего верования, должно признать только три из них», и одно из этих трех — Послание восточных Патриархов о православной вере¹⁴. Послание это «принял и засвидетельствовал и Св. Синод Всероссийский, издавши в 1838 г. это исповедание на Русском языке [...], а в 1845 г. постановивши безмездно раздавать эту книгу всем Духовным воспитанникам...»¹⁵ Никто в Св. Синоде официально не оспаривал ни одного положения Послания. Но русский перевод был издан с «цензурным» пропуском. Именно интересующий нас здесь «Вопрос 3. Какие книги ты называешь Священным Писанием?» и ответ на него были бесследно удалены и заменены следующим в подлиннике вопросоответом¹⁶.

Впрочем, при прекрасных библиотеках не только в академиях, но и в семинариях желающие могли добраться до подлинника или в сборниках Киммеля и Михалческу, или даже у Mansi continuato. Однако греческий текст Послания 1723 г. начиная с 1870-х гг. печатался и в России. При крайне малом числе «исправлений» в русских изданиях греческих документов можно думать, что публикации интегральных греческих текстов были нужны как раз несогласным с решением проблемы канона в официальных учебниках для духовных школ. А такие несогласные были. Один из них — выдающийся иерарх Митр. Антоний (Храповицкий). Он был не только благоговейным читателем Св. Библии, но проявил себя и как библеист: ему принадлежит «Толкование на книгу пророка Михея» (СПб., 1890. 74 с.). Уже в изгнании владыка Антоний предложил свой вариант Катихизиса, где о каноне сказано следующее: «В. Как разделяются Св. Книги Ветхого Завета? О. На канонические, которые признают и христиане и иудеи, и неканонические, которые признают только христиане, иудеи же их утратили»¹⁷. Оставляя в неприкосновенности школьную терминологию, автор радикально переворачивает и ее смысл, и учение о каноне

¹⁴ Введение в православное богословие. Тутаев, 1999. С. 418.

¹⁵ Там же. С. 416.

¹⁶ Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 185.

¹⁷ Опыт Христианского Православного Катихизиса. Сремски Карловци, 1924 // Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VIII. Нью-Йорк, 1961. С. 21.

в целом. Упомянув христиан (без различия исповеданий) и иудеев, митрополит Антоний, по-видимому, думал не об отношениях межрелигиозных и межконфессиональных, но об отношениях межправославных и хотел уврачевать разномыслие в вопросе канона.

Автор цитирует греческого профессора А. П. Хаступи: «В XVIII в. второканонические книги недооценивались русскими богословами, находящимися, вероятно, под протестантским влиянием» (с. 100), усматривая у него «хронологическую ошибку», поскольку «определения по канону ВЗ в русском богословии были сделаны только к середине XIX в». Но греческий ученый говорит не об «определениях», но об отдельных богословах. А такой богослов как архиеп. Феофан Прокопович в силу своего политического влияния и при Петре I, и при Анне Иоанновне был интересен многим и в России и за ее пределами. Его проникнутость протестантским влиянием очевидна: «... Что единственно достоверно и непогрешительно свидетельствует о вещах божественных, то едино должно считаться началом Богословия. Но только Слово Божие таково. Значит, только Слово Божие должно считаться началом Богословия. <...> Итак, доказано, что только Божие Слово, только Священное Писание есть начало Богословия <...> Если в чем-то нужно прибегать к Писанию, а в чем-то [ином] к другому началу, то есть к Преданию или к Папе? Как вообще тут можно [установить] какое-либо правило?» Как видим, Священное Предание ставится на одну доску с римским папизмом и оба радикально отвергаются. Переходя к канону, Прокопович не только употребляет протестантский термин апокрифы, но и вкладывает в него смысл не только неканоничности, но и неприемлемости.

Перечисление книг Писания дается в гекзаметрах: «Книги апокрифические. Юдифь, Товия, Сирах, Премудрость, Варух, / Третья и Четвертая книги якобы Ездры, / и книги, сообщающие историю Маккавейского рода, / шестерной хвост Есфири, две приставки к Даниилу, / одна песнь вдобавок к Псалмам, молящийся Манассия, / не могут по праву называться божественными вещаниями»¹⁸. Шутливо-издательский тон стихов об «апокрифах» уже сам по себе говорит об отношении к ним: этот автор никак не скажет даже, что они «полезны и хороши для чтения».

Именно это откровенно протестантское учение о каноне повлияло на формирование школьной доктрины. К сожалению, в годы после революционного упадка это учение проникло и в церковные издания

¹⁸ Christianae orthodoxae Theologiae in Academia Kiowiensi a Theophane Prokopowicz eiusdem Academiae rectore, postea Archiepiscopo Novogrodensi adornatae et propositae volumen primum. Lipsiae, 1792. P. 15, 17, 126, 226.

Библии, начиная с 1968 г., где появилось приложение «О книгах канонических и неканонических». А издания Российского Библейского Общества пошли еще дальше. По неизвестно каким способом полученному «Благословиению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II» вышла Библия, где по образцу протестантских изданий «неканонические» книги выделены в особый корпус, помещенный после канонических.

Кульминацией исследования Б. А. Тихомирова рецензент считает главу V.5 (с. 124–138), где дается острая и справедливая критика школьного учения о каноне в России XIX в., ставшего официальным учением Русской Церкви. Автор делает вывод, что в свете современной библеистики результаты отечественного богословия XIX в. должны быть серьезно переосмыслены (с. 138). Мы же думаем, что этого требует не только современная библеистика, но и внимательное изучение материала эпохи Вселенских Соборов, говорящего о нерешенности проблемы канона, о его длительном становлении и на Западе, и на Востоке. Скажем прямо, настала пора признать учение о каноне Послания Восточных Патриархов 1723 г.

Остается сделать мелкие критические замечания.

«Богослужебный канон» (с. 13) — не «устав», но особый жанр гимнографии.

Долгота греческих гласных α, ι, υ (с. 15 и др.) не выражается орфографически и проставляется только в словарях в помощь изучающим поэзию.

Прилагательное θεολνευστος переведено существительным (с. 15, 45). Патристика знает слово θεολνευστία.

«Изволилось Святому Духу и нам» — «соборная формула» (с. 16) не отцов, но апостолов (Деян. 15, 28). Немногие Соборы дерзали ее воспроизводить.

«Синергия двух этапов Свящ. Истории» (с. 22) — невозможное выражение, поскольку синергия — совместное, а значит и одновременное действие.

«Персоналия» (с. 26) — не персона, но список, каталог многих персон.

«Ἐπίπνοια» (с. 43, 45) пишется через дифтонг, а не через ι.

Греческие числительные обозначаются буквами со знаком, идентичным знаку «острого ударения». В рецензируемом учебнике этот знак заменен апострофом (с. 59, 100).

На с. 65 в подстрочнике название греческой книги на «чистом», литературном языке дано в орфографии, принятой после издания этой книги.

На с. 77 с тремя ошибками дано слово θεολνεύστω.

На с. 94 автор приписывает католическому Тридентскому Собору такие слова о противниках второканонических книг: «распущенными речами выказывают к ним презрение». На самом деле там говорится о тех, кто это делает «сознательно и обдуманно, *sciens et prudens*», презирая даже не самые книги, но церковные традиции, нам их предлагающие¹⁹.

Автор неточно передает состав ВЗ в элладских изданиях Септуагинты. Во всех изданиях (Автор называет только издание братства Ζωή, а есть еще издание братства Σωτήρ, в 20 тт., и, last but not least, официальное издание «Апостольской Диаконии»). Псалом 151 печатается, но без номера, как «не счисляемый»; кроме Даниила в 12 гл. печатаются как отдельные повествования «Сусанна» и «Вил и дракон».

Странно читать, что Московская Библия 1663 г. — «первая напечатанная на Руси» (с. 107). Острог — это тоже Русь. Даже в наше время один из украинских расколуучителей присвоил себе титул «всієї Руси-України».

Странно слышать, что «для православной России решения по канону ВЗ стали поиском собственного пути» (с. 114). Для любой Церкви в таких решениях ищут не «собственного пути», но истины Христовой, верности церковной традиции.

Ошибочно называть Книгу Правил «кратким вариантом Кормчей» (с. 127). Книга Правил — собрание исключительно постановлений церковного священноначалия. Кормчая, имея прообразом греческие Номоканоны, включает в себя также императорские законы и некоторые другие материалы.

Ἀκανόνιστα на с. 129 переведено как «не подлежащие канонизации». На самом деле отглагольное прилагательное на -τος означает возможность, а долженствование выражают отглагольные прилагательные на -τέος. Lampe переводит это слово в данном контексте как not canonical.

Непонятно, почему «с точки зрения формальной логики название “неканонические” книги нельзя признать состоятельным в качестве терминологического определения ввиду заложенного в его структуре отрицания» (с. 129). Ключевой термин полемики с латинами и с армянами — ἄγραφα. Всеми принят термин «неписанный (ἄγραφος) закон». Слово ἄρθετος вошло в словари новых языков как минералогический термин. В русском языке это слово породило известь. И есть целая школа богословия, называемая богословием отрицательным. Она дает целый каскад отрицательных предикатов Бога, таких как незримый,

¹⁹ Conciliorum Oecumenicorum Decreta. Bologna, 1973. P. 663–664.

ἀόρατος. Некоторые из них, например, ἀθάνατος в гимнографии сопровождаются словом μόνος, указывающим на исключительную точность термина. Наконец, в книге, предназначенной быть учебником, крайне нежелательны ошибки в фамилиях: Боровкович вм. Бровкович (с. 195, 178). Брагина вместо Брагинская (с. 198).

Автор неоднократно поминает второй декрет Тридентского Собора от 8 апреля 1546 г., который после первого декрета от того же числа, подтвердившего буллу унии с коптами Флорентийского Собора в части канона Св. Писания, как формулирует автор, объявил «Вульгату подлинным, достоверным изданием Св. Писания» (с. 160). Об этом постановлении говорят все и часто говорится много лишнего. И виновата здесь прежде всего терминология декрета, а именно слово *authenticus*, само по себе неясное (словарное значение — подлинный). Но обращение к контексту декрета показывает, что *authenticus* здесь скорее — авторитетный. «... Немало пользы может получить Церковь Божия, если будет объявлено, что какое-нибудь из всех латинских изданий священных книг, находящихся в обращении, должно считаться за авторитетное (*pro authentica*), постановил и объявляет, что сие самое — старое и распространенное (*vulgata*) издание, которое долгим, многовековым употреблением в самой Церкви испытано, да считается за авторитетное (*pro authentica*) в публичных чтениях, диспутах, проповедях и изложениях...»²⁰ Речь, таким образом, не идет здесь о самодостаточности Вульгаты; нет покушения на авторитет греческого и еврейского подлинника. Латинская Церковь выбирает один из латинских переводов не как самодостоверный и самодостаточный, но как лучший из всех латинских переводов, не удостаивая вниманием переводы на народные языки. Эти последние могли претендовать только на национальный авторитет, как лютеровская Библия у немцев или Библия Короля Иакова у англоязычных. Но на рынок поступали и латинские переводы, которые могли иметь характер конфессиональных манифестов, адресованных не одному народу, но всему Западу, где латынь была языком не теологии только, но и всей науки в целом.

Важное пояснение сделал к декрету 8 апреля 1546 г. папа Пий XII в энциклике «*Divino afflante Spiritu*» от 30 сентября 1943 г.: «...такого рода подлинность (*authenticia*) называется не в первую очередь критической, но скорее юридической»²¹. Впрочем, этот же папа издал в 1945 г. новую редакцию латинского перевода Псалтири, положив начало

²⁰ Ibid. P. 664.

²¹ *Enchiridion symbolorum, definitionum et declarationum de rebus fidei et morum* / Ed. H. Denzinger, A. Schönmetzer. Herder: Barcinone, Friburgi Brisgoviae, Romae, 1976³⁶. P. 754.

Новой Вульгате. Но отказываясь от старой Вульгаты, Католическая Церковь не отказалась от понятия нормативного, авторитетного текста Писания. Новое выражение это понятие обрело в конституции папы Иоанна Павла II от 25 апреля 1979 г., промульгирующей Новую Вульгату. Новая версия официального латинского текста Библии здесь объявляется «образцовой» (*typica*): «Эта Новая Вульгата — издание такого рода, что ему смогут соответствовать переводы на народные языки, предназначенные для литургического и пастырского употребления [...] ее нужно рассматривать как некое надежное основание, на которое опирается изучение Библии, прежде всего там, где труднее обращаться в библиотеки по специальным дисциплинам и распространение соответствующего изучения встречает большие препятствия»²².

Таким образом можно констатировать, что Католическая Церковь, хоть и сменила старую Вульгату на Новую, не отказалась совсем от старого воззрения на нормативность официального латинского текста, а лишь уточнила и смягчила его. Сказались традиционные свойства католичества: охват всех сторон церковной жизни точными формулами, культивирование порядка и дисциплины. Но можно также утверждать, что и другие церкви так или иначе нуждаются в своей «Вульгате» и обретают таковую. Для немецких лютеран это Лютеровская Библия, подвергшаяся бесчисленным исправлениям, но принципиально носящая имя своего создателя. В Русской Православной Церкви XIX в. это была Елизаветинская Библия. В наше время она все больше вытесняется Синодальным переводом. Часто издатели проводят это с невежественной прямолинейностью, заставляя, например, святых отцов цитировать этот перевод Ветхого Завета, сделанный с еврейского, там, где они комментируют Септуагинту.

К сожалению, концепция Пия XII и его продолжателей в деле создания Новой Вульгаты, исходившая из абсолютного авторитета Масоретского текста, впала в противоречие с новейшими открытиями, которые подорвали авторитет Масоретов и соответственно возвысили значимость Септуагинты.

Авторитаризм библейской политики Католической Церкви может быть сопоставлен с авторитаризмом русской библеистики XIX в., навязавшей Магистерии поспешные постановления. Главная заслуга рецензируемой книги в том, что Б. А. Тихомиров деликатно, но весьма обоснованно призывает нашу Церковь внести в учение о каноне необходимые уточнения.

Прот. В. Асмус

²² Nova Vulgata bibliorum sacrorum editio. Vaticano, 2005. P. 5, 6.